

Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции

Воейков М.И.,
д.э.н., Институт экономики РАН

Введение

О Русской революции 1917 года написаны горы книг. Казалось бы, все должно быть ясно. И такая ясность вроде была у подавляющего числа советских читателей до 1991 года. Нас учили и мы считали, что в феврале 1917 г. произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года - социалистическая, после которой началось и осуществилось строительство социалистического общества в нашей стране. И это все происходило в соответствии с объективными законами социально-экономического развития. Все было правильно и научно обосновано. Так нас учили и так мы думали.

Но вот, после 1991 года стали появляться и все больше доминировать (правда, в очень узком кругу так называемой "творческой интеллигенции") взгляды на Великую Октябрьскую революцию (или октябрьский этап Русской революции) как на ошибку, как навязанную России плохую альтернативу, как, наконец, злостную выходку плохих людей (большевиков), которые замутили голову русскому народу и повели Россию не в ту сторону. Как пример, можно привести высказывание такого, претендующего на некую респектабельную объективность, писателя от социологии как Мартина Малия, который в самом начале своей книги пишет следующее: "Советская социалистическая революция была великой утопической авантурой современности".¹ В этой фразе автор умудрился сделать по крайней мере три смысловых ошибки, вероятно, совершенно не понимая этого. Ошибки эти следующие: 1-ая - революция не может быть утопической, если она реально совершилась, это не утопия, а реальность. 2-ая - по той же причине революция не может быть авантурой; авантюра - это неудавшийся переворот, путч. 3-ая - термин "советская" совершенно не приложим к революции октября 1917 года, ибо советская система как таковая появилась после февраля 1917 в лице советов рабочих и солдатских депутатов, а после гражданской войны этот термин превратился в эвфемизм. Конечно, в такого рода взглядах на Русскую революцию как авантуру много наивности, невежества, а порой и просто лжи.

Так что же было на самом деле в 1917 году, что же было в России все последующие 74 года, что мы имеем сегодня, и что же нас ждет завтра? Все эти и

---

¹ Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917 - 1991. М., 2002, с. 9.

подобные им “проклятые вопросы” каждый день задает себе и другим каждый мыслящий россиянин и не только житель России, но всех других республик бывшего СССР.

Интересуют эти проблемы и западного читателя. Но в отличие от России на Западе давно сформировалось несколько течений или концепций объяснения русской революции и русского феномена. И надо сказать, что с падением “государственного социализма” в СССР западные дискуссии о природе и характере русской революции и советского общества не только не угасли, а, наоборот, стали интенсивней и острее.¹ Стало интересней. Тем более, что теперь в этих дискуссиях могут принять посильное участие и российские исследователи, которые знают “государственный социализм”, так сказать, изнутри.

Изучение и объяснение всех этих вопросов - огромная работа, посильная, наверно, поколениям исследователей. И не только историков. Важная роль в этой работе должна принадлежать политэкономическому анализу. Думается, отсутствие именно политэкономического подхода в анализе прошлой и настоящей российской социально-экономической действительности не дает возможности сформулировать четкие и ясные направления развития общества, выхода его из так затянувшегося кризиса.

Именно политэкономический подход должен пролить свет на проблему социально-экономических и материальных предпосылок Русской революции. Эта проблема давно была поставлена в исторической литературе, но экономистами разрабатывалась мало. Отсюда много нерешенных проблем, особенно с позиций современного научного знания. Например, в исторической литературе очень редко различают экономическое развитие и капиталистическое развитие. Часто, говоря о бурном экономическом росте в последней четверти XIX века, делаю вывод о таком же мощном развитии капитализма в России. С политэкономической точки зрения это не одно и то же. Таким образом, проблема наличия материальных предпосылок революции продолжает быть актуальной.

Были ли эти предпосылки вообще, насколько они были объективны? От ответа на эти вопросы зависит и объективность самой революции. Действительно, если никаких объективных предпосылок революции в реальности не было, то последнюю логично трактовать как заговор, авантюру, путч и т.п. Но если материальные и социально-экономические предпосылки революции были

---

¹ Укажем лишь на две научные конференции, посвященные 80-летию Октябрьской революции и прошедшие в Германии и Франции в 1997 г., результаты которых отражены в следующих изданиях: *Der Widerschein der Russischen Revolution. Ein Kritischer Ruckblick auf 1917 und die Folgen.* Hrsg. Th. Bergmann / W. Hedeler / M. Kessler / G. Schafer. - Hamburg: VSA-Verlag, 1997. *Octobre 1917: Causes, impact, prolongements.* Sous la direction de B. Drweski. - Paris: Presses Universitaires de France, 1999. См. также сборник обзоров и рефератов: 1917 год: Россия революционная. - М.: ИНИОН РАН, 2007.

объективны, что и делает ее объективно неизбежной, то какие они были, т.е. какой характер они придавали самой революции? То же интересный и важный вопрос.

Еще одно предварительное замечание. Традиционно в нашей литературе указывают на три русские революции: 1905 года, Февраль 1917 года и Октябрь того же 1917 года. В последнее время стали появляться взгляды, объединяющие все эти три революции в одну Русскую революцию с внутренними своеобразными этапами. Действительно, политэкономический подход к анализу предпосылок и характера этих революций показывает, что они сливаются в единый процесс. Сами участники и свидетели революции не превращали эти этапы, особенно два последних 17-го года, в принципиально различные революции. Эта традиция утвердилась и в зарубежной исследовательской литературе.¹ В самое последнее время положение о единой Русской революции с ее этапами все шире пробивает себе дорогу и в отечественной исторической литературе.² Думается, что эти позиции, при правильном их истолковании, не противоречат друг другу. Просто первая, традиционная позиция более детализированная, вторая более агрегированная. В данной статье чаще используется вторая точка зрения, хотя и не отрицается первый подход, если он рассматривает все три революции как единый революционный процесс преодоления феодальных социально-экономических отношений в России. Другое дело, если рассматривать эти революции как принципиально различные по сущности, типу и характеру исторические явления. Именно такая точка зрения и оспаривается всем материалом статьи.

В серьезной исторической литературе как в начале XX века, так и в его конце проблема социально-экономических предпосылок русской революции обычно не ставится под сомнение. Но вызывает острые споры специальная проблема предпосылок для строительства социализма в России в начале XX века. Большинство исследователей (в основном, марксисты и либералы) склоняются к мнению, что именно этих предпосылок для социализма в экономически и культурно отсталой стране в то время не было. Эта точка зрения была общей, например, для социал-демократов (особенно меньшевиков).

Но проблема отсутствия объективных социально-экономических предпосылок для социализма в России и для большевиков составляла громадную теоретическую трудность. Идею социализма и социалистического общества они ставили во главу всей своей деятельности, подчиняя ей отдельные шаги и мероприятия. В этом состоял один из важнейших принципов марксизма, согласно

---

¹ См.: Россия XIX – XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996, с. 229.

² См., например: Хрестоматия по отечественной истории (1914 - 1945). Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 1996, с. 7; а также материалы дискуссий: Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачев-Фонде 30 октября 1997 г. М., 1998; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Великая русская революция: от Февраля к Октябрю. "Круглый стол", посвященный 90-летию Февральской революции 1917 года. – Альтернативы, 2007, № 2.

которому переделывать старое общество надлежит сознательно и планомерно. То есть, нужно изучать объективные условия социальной жизни, выявлять тенденции ее развития и разрабатывать мероприятия, способствующие развертыванию прогрессивных тенденций. Но беда первых большевиков состояла в том, что объективных условий для социализма тогда в России еще не было. Не было также и достаточных теоретических накоплений в общественной науке. Идеи В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого были великолепны, но они не могли быть реализованы в тех материальных и культурных условиях. В конце концов, условия и сокрушили или извратили идеи. Идеи марксизма превратились в практику сталинизма, ничего не имеющую общего, кроме нескольких фраз, с марксизмом.

При этом, конечно, не следует смешивать социализм и русскую революцию вообще. Революция имела свои материальные предпосылки, что почти не отрицается в научной литературе, а также и в политических трудах деятелей самой революции (от кадет до большевиков). Если говорить более точно, то в русской революции получила подтверждение концепция марксизма, российской социал-демократии в целом, включая большевиков и меньшевиков. Ведь концептуально, теоретически между большевиками и меньшевиками расхождений не было. В 1917 году у них была единая партийная программа и единая марксистская теория. Немецкий историк Э. Нольте замечает в этой связи, что "с точки зрения социологии, различие между большевиками и меньшевиками было едва уловимым".¹ Теоретические расхождения имели в основном тактический характер. После Октября начались, конечно, и концептуальные расхождения. Они приняли окончательную форму к середине 20-х годов, с провозглашением положения строительства социализма в одной стране. Однако с этого времени большевизм как таковой стал превращаться в национал-большевизм.²

Но вернемся к 1917 году. В результате революции у власти оказались большевики во главе с Лениным и Троцким. Это, казалось бы, должно свидетельствовать, что концепция большевиков оказалась более жизненной, чем меньшевиков, более правильной. Но вот с этого места начинаются проблемы и загадки. Если большевистская концепция русской революции как социалистической революции была, скажем, более верной, чем меньшевистская, а для такого утверждения есть много оснований, ибо победили большевики, а не меньшевики, то почему сегодня, после развала СССР ни один образованный и думающий марксист в мире не может назвать общественный строй, который существовал в СССР, социалистическим в полном смысле этого слова, без каких-либо эпитетов или оговорок?

---

¹ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003, с. 280.

² Подробнее об этом см.: Воейков М.И. Большевики и меньшевики: 100 лет вместе. – В кн.: Либерализм, социал-демократизм, коммунизм. Академическая дискуссия. Под ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. – М.: URSS, 2005, с. 86-133.

В этом я думаю, заключается одна из крупнейших теоретических загадок нашей истории, без прояснения которой невозможно толком понять ни "государственный социализм", существовавший в бывшем СССР, ни сегодняшние российские пертурбации, ни даже пути развития мировой цивилизации.

Можно сказать даже больше, а именно, что концепция революции Ленина и Троцкого при всем том, что они ей посвятили большое число литературных работ, оказалась несформулированной, незаконченной. Концепция тактики революционной деятельности разошлась с теоретической программной концепцией. От того характер русской революции остался непроясненным.

Я, конечно, далек от несообразностей того рода, что революция в России была искусственно навязана русскому народу, что это была беда для России, что революция увела страну куда-то в сторону от мировой цивилизации. Все эти рассуждения просто невежественный вздор мещански настроенных писателей или того хуже, прямая ложь в угоду тем, кто платит большие деньги за такого рода сочинения. Конечно, ни один серьезный исследователь любого политического толка в любой стране мира так не считает. Вот что, например, пишет на этот счет весьма уважаемый заокеанский историк Ричард Пайпс, который сам себя аттестует "октябристом" и у профессиональных историков вызывает "почти озлобление"¹ своим стремлением всегда угождать шаблонным представлениям малообразованной толпы. И тем не менее он пишет: "Решения, принятые Николаем в августе 1915 года, сделали революцию практически неотвратимой". И несколько дальше: "К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, "спасти монархию от монарха". Россия еще не знала такого единения, а двор - такой изоляции. И революция 1917 года стала неизбежной..."²

Это пишет либеральный ученый, который честно, в рамках своих возможностей, изучает документы. А вот документ, который приводит в своем отчете Александр Блок. Это письмо Великого князя Александра Михайловича своему брату Николаю II от 25 января 1917 года: "В заключении скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу". Это мнение "великого" князя. А вот выводы великого поэта России: "На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции.

---

¹ Как сообщает О.В. Большакова, рецензии в профессиональных журналах книги Пайпса буквально «рвут на части». См.: Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков. (Обзор). – В кн.: 1917 год. Россия революционная. Сб. обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2007, с. 22.

² Пайпс Р. Русская революция. Часть 1. М., 1994, с. 257, 277.

Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом...".¹ Таким образом, можно заключить, что все те люди, которые называют Русскую революцию авантюрой, по мнению великого поэта, лишены "государственного смысла".

Революция и революции не могут быть кем-то придуманными действиями, не могут быть искусственно вызваны или осуществлены даже самыми сильными личностями и самыми организованными партиями. Революции - это спонтанный и закономерный для определенных условий этап естественного процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малоприятный и малоблагоприятный, но объективно неизбежный. Князь П. А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 года: "Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное - не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии... Все мы - я в том числе - подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1798, 1848, 1871 годов, все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т. д."² Отметим здесь лишь одну тонкость. Революции, как правильно замечает П. Кропоткин, не зависят от человеческой воли, но совершаются через человеческие действия, посредством воли. Вот эту объективную вынужденность, объективную необходимость, которая осуществляется посредством субъективной формы, многие наблюдатели не могут различать, отчего возникает серьезная путаница и часто форма принимается за содержание. В общем, хорошо сказал один западный исследователь: "Всякая революция порождается врагами революции".³ И, наконец, приведем слова Н.А. Бердяева, одного из лучших философов России, который как бы специально отвечает многим наплодившимся сегодня недоброжелателям русской революции и русской общественной мысли: "Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана каким-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой".⁴

Но научный ответ на сомнения в объективности революции коренится в анализе ее материальных и социально-экономических предпосылок.

---

¹ Блок А. Последние дни императорской власти. - М., 2005, с. 114, 6.

² Кропоткин П. А. Что же делать? - В сб.: Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. - М.: ИЭ РАН, 1992, с. 196.

³ Фишер Л. Жизнь Ленина. - London, 1970, с. 77. Умных свидетельств об объективном характере русской революции множество. Вот Ф. Степун, противник большевизма, пишет так: "Философия Бердяева и искусство Белого были своеобразным "небесным прологом" столь же великой, как и страшной русской революции". (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994, с. 222).

⁴ Бердяев Н. А.. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991, с. 226.

Методология проблемы материальных предпосылок

Вопрос о материальных предпосылках Русской революции по сути дела сводится к определению степени развитости капитализма в России к 1917 году. Если эта степень была достаточно высокой уже к февралю 1917 г., т. е. капитализм в России к этому сроку был как бы уже и перезрелым, то отсюда следуют два важных вывода. Первый – что февральская революция 1917 г. вообще была не нужна, ибо капитализм в России на тот период господствовал и процветал. Зачем же делать буржуазную (а по поводу характера Февраля никто не спорит) революцию, если с капитализмом в стране все было прекрасно. Второй - ничтожный срок между “буржуазным” Февралем и “социалистическим” Октябрем можно легко объяснить или вообще не принимать во внимание. Логическое объяснение этого феномена может быть следующим. Февральская буржуазная революция сильно запоздала в силу исключительных особенностей российского капитализма, но высокая степень развития последнего предопределила быстрый переход к социалистической революции. Можно даже говорить о значительной растянутости буржуазной революции, начиная отсчет с крестьянской реформы 1861 г. Революцию 1905 г. будем принимать за кульминацию этого процесса и февраль 1917 г. как уже окончательное утверждение господства буржуазно-капиталистических отношений, приобретение ими соответствующей политической оболочки. Конечно, растянутость революции на 50-55 лет довольно большой срок, но по историческим меркам и для условий России это можно как-то объяснить. Все это, хотя и с трудом, можно объяснить, если исходить из гипотетического предположения, что российский капитализм к 1861 г. был уже достаточно развит, а к 1917 г. не просто занимал господствующее положение, но и был даже изрядно перезрелым. В общем, все упирается в доказательство степени развитости капитализма в России к началу XX века.

Отечественные историки советского периода, которые довольно много занимались вопросами генезиса капитализма в России и перехода от феодализма к капитализму, все свои дискуссии и изыскания проводили в рамках ленинской формулы, что в России капитализм был среднеразвит. Более того, было даже и такое мнение: “Начальный и конечный моменты капиталистической формации на территории нашей страны точно определены классиками марксизма”. Это мнение высказал академик Н.М. Дружинин в 1949 году в журнале “Вопросы истории”, сославшись при этом на Краткий курс “Истории ВКП(б)”.¹ Но если в этом Кратком курсе все “точно определено”, зачем же было писать статью для научного журнала под названием “О периодизации истории капиталистических отношений в России” и вообще развивать дискуссию по данному вопросу? А дискуссия эта, как мы увидим в

---

¹ Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М.: Наука, 1987, с. 149.

дальнейшем, шла все последующие годы с нарастающей интенсивностью и сегодня приобретает новый оборот. Однако, вернемся к ленинской постановке.

В работе "Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов" В. И. Ленин писал о "сравнительно развитом капитализме в промышленности", правда, тут же отмечая "чудовищную отсталость деревни".¹ И в 1920 г. он продолжал держаться этого определения российского капитализма: "Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло" - писал Ленин в замечаниях на книгу Н. Бухарина "Экономика переходного периода".² Эти положения в общем и целом просуществовали в отечественной исторической литературе и до сего дня. Хотя встречались и очень редкие исключения, когда тезис о среднеразвитом капитализме ставился под сомнение. Однако, эти исключения нужно выискивать, что называется, между строк, и на них будет указано ниже. Ничего принципиально нового в перестроечное и постперестроечное время по данному вопросу официальная (т. е. осуществляемая Российской Академией Наук) историческая наука нам не предложила.³ Лишь на периферии ее пробиваются некоторые реалистические воззрения. Так, например, Л. В. Никифоров из Института экономики РАН вполне обоснованно замечает, что "в фундаментальном труде Ленина "Развитие капитализма в России" уровень капитализации страны был явно преувеличен".⁴ При этом оставим в стороне вообще фантастический взгляд, что Россия в начале XX века представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему, которая входила в число 5-7 ведущих стран капиталистического мира. Взгляд, который активно развивался в начале 90-х годов в основном в худосочной публицистике, к науке никакого отношения не имеющий.⁵ Этот взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием подвести как бы научную базу, найти хоть какое-нибудь серьезное обоснование в защиту идеологической позиции ненужности, искусственности революции 1917 года. Мол, Россия и так прекрасно развивалась. Но этот взгляд полностью игнорирует все результаты многих социальных наук, полученные авторитетными исследователями любой политической тенденции. Поэтому в рассмотрении проблемы материальных предпосылок мы будем использовать не только самые последние работы (которых чрезвычайно мало), но и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 16, с. 301.

² Ленинский сборник. XL. М., 1985, с. 425.

³ В этой связи можно привести книгу В. И. Бовыкина "Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны" (М., 2001), где отмечается, что признание России начала XX века страной "среднего уровня капиталистического развития" до последнего времени повторялось в различных изданиях "как нечто, не вызывающее сомнений" (с. 14).

⁴ Смешанное общество. Российский вариант. М., 1999, с. 15.

⁵ В мировой специальной литературе прочно утвердилось мнение, что Россия в 1913 г. была "беднейшим из цивилизованных государств". (Эктон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. - В кн.: Россия XIX - XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996, с. 34.

более ранние (которые также по своему интересны). Однако есть более чем основательные сомнения в тезисе о среднеразвитом капитализме в России. Рассмотрим эти сомнения по порядку.

Еще в середине советского периода (50-е годы) академик Н. М. Дружинин дал достаточно емкое определение предпосылок зарождения капитализма. Он писал: "Необходимой предпосылкой для зарождения капиталистического строя является достаточно широкое развитие товарного производства и обмена, которые служат питательной базой для образования денежных богатств и для социального расслоения города и деревни. Возникновению системы капиталистической эксплуатации должен предшествовать процесс первоначального накопления, который складывается из двух основных моментов: превращения мелкого собственника в свободного, но лишённого средств производства пролетария и появления обладателя денежных средств, которые могут быть затрачены на покупку рабочей силы."¹ Посмотрим же, как с этими признаками капитализма дело обстояло в реальности к началу XX века в России.

Проблема генезиса капитализма

Сами отечественные историки весьма противоречивы и далеко не едины в определении основных моментов генезиса капитализма в России: развитие товарного производства и обмена, капитализма в аграрном секторе, промышленного переворота, первоначального накопления капитала, начала и завершения индустриализации, перехода от мануфактуры к фабрике и т. д. Так, Н. М. Дружинин считает, что "реформа 1861 г. завершила собой процесс первоначального накопления"². Однако после этой крестьянской реформы крупной машинной промышленности в стране создано не было и даже не появились отдельные "гиганты индустрии". После реформы 1861 г. можно говорить лишь о начале процесса накопления капитала, и то с большой степенью условности. Ибо к началу первого этапа индустриализации в последней четверти того века собственного капитала в стране было мало. Другой авторитетный историк Б. Б. Кафенгауз процесс первоначального накопления растягивает до начала XX века: "Таким образом, методами "первоначального накопления" в России являлись частичная "экспроприация земледельцев", рост государственного долга, субсидии и привилегии буржуазии, они приходятся на вторую половину XIX и начало XX в."³ Действительно, это более реалистическая точка зрения. Однако ее стоило бы дополнить тем, что на этот период приходится лишь начало "первоначального накопления", которое было прервано Первой мировой войной. После войны, в 20-е годы вопрос о средствах для экономического развития страны встал опять в повестку дня. Вспомним дискуссии тех

---

¹ Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М., 1955, с. 5-6.

² Там же, с. 36.

³ Кафенгауз Б. Б. К вопросу о первоначальном накоплении в России. - В сб.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957, с. 224.

лет в советской литературе о “законе первоначального накопления”, которое опять же осуществлялось в основном за счет аграрного сектора. И только индустриализацию 30-х годов XX века можно считать естественной формой реализации процесса накопления капитала для экономической модернизации производственного потенциала страны.

В пользу тезиса о том, что к началу XX века первоначальное накопление капитала не было завершено или не было достаточным (что то же самое) говорит интенсивное проникновение в страну иностранного капитала. Современный историк прямо так и пишет, что приток иностранного капитала был обусловлен “недостаточностью внутренних накоплений”.¹

Исходя из этих рассуждений, можно опровергнуть широко распространенный среди историков тезис о том, что 1861 год явился как бы границей между феодализмом и капитализмом в России. Так, в 1974 г. академик Н.М. Дружинин безапелляционно писал: “Реформа 1861 г. при всей своей ограниченности явилась переломным моментом между двумя формациями. Несмотря на многочисленные крепостнические пережитки в деревне, капитализм одержал полную победу в промышленности и начал завоевывать позиции в отстающем сельском хозяйстве”.² В коллективном докладе группы авторитетных историков “Переход России от феодализма к капитализму”, представленном на Всесоюзной дискуссии историков в 1965 г. на этот счет сказано: “Реформа 1861 г., как известно, провела пограничную черту между феодальной и капиталистической формациями, после реформы изменился удельный вес старого и нового в социально-экономической жизни страны: в дореформенную пору капитализм пробивал себе путь в окружении господствовавшей феодально-крепостнической системы, теперь он занял господствующее положение...”.³ То есть, авторы хотят сказать, что капитализм в России стал господствующим, доминирующим уже сразу после крестьянской реформы 1861 года. Это значительно более сильная, а, значит, и более неверная формула, чем даже ленинское положение о среднеразвитом капитализме.

Одним из немногих или даже единственным, кто достаточно четко выступил против этого положения на той дискуссии был М. Я. Гефтер. Он, в частности, назвал большим упрощением считать, что “капитализм полностью созревает в недрах феодального общества еще до начала буржуазных революций”. И тем более эта схема не применима к России, где “в общественном и прежде всего в аграрном строе которой доминировало крепостничество - притом не только в дореформенное время,

---

¹ Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. М., 2001, с. 34.

² Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М.: Наука, 1987, с. 368, а также с. 345.

³ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969, с. 38. Некоторые участники той дискуссии “известную зрелость буржуазных отношений” в России обнаружили уже в последней четверти XVII столетия, где она “отчетливо выявилась” (Там же, с. 137). Такой взгляд, по меньшей мере, можно расценивать как анекдот и только.

но в определенной мере и в первые пореформенные десятилетия”.¹ Если вчитаться в эту фразу, особенно в три слова “первые пореформенные десятилетия”, то по М. Гефтеру получается, что крепостничество в аграрном секторе “доминировало” до самого конца XIX века. Ибо, первые десятилетия - это никак не меньше 20-30 лет после 1861 г. То есть, и к 1891 году, по М. Гефтеру, доминировало крепостничество. В принципе эту же позицию можно увидеть и в выступлении старого и очень опытного (гибкого)² историка С. М. Дубровского, который, с одной стороны, отмежевался от мнения, “что до 1917 г. в России господствовали феодально-крепостнические отношения, потому что это не соответствует фактам и не соответствует ленинскому учению”. В то же время, с другой стороны, он говорил и следующее: “Конечно, полного торжества капитализма в нашей стране не получилось даже в области надстройки. Буржуазия господствовала в промышленности, торговле и экономической жизни, но политическая власть на 99 % находилась в руках помещиков-полукрепостников. В феврале 1917 г. свергли Николая II, но остатки феодально-крепостных отношений в виде помещичьего землевладения, неравноправия крестьян и всякой кабалы сохранились до октября 1917 г.”.³ Если политическая власть до 1917 г. находилась в руках феодальной аристократии, то, следовательно, ни о каком господствующем положении капитализма после реформы 1861 г. говорить не приходится. Этого требует элементарная логика. Да и вообще, формации в один год не образуются, это длительный процесс, занимающий столетия. Более того, капитализм после реформы 1861 г. далеко не занял господствующего положения даже в промышленном секторе страны. Иначе не было бы революций 1905 и 1917 гг. По имеющимся данным К. А. Пажитнова к 1861 г. из общего числа 862 тыс. рабочих крупной промышленности, включая горнозаводскую, 44 % были крепостными.⁴ Можно вполне утверждать, что всю вторую половину XIX в. экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием. Причем, как верно замечает историк А. М. Анфимов, “полукрепостнические отношения не следует понимать как равнозначные “полубуржуазным”. Это те же крепостнические отношения, правда, модифицированные капитализмом...”.⁵ Значит, период после Великой реформы 1861 г. ушел на то, чтобы сделать рабочих из крепостных действительными рабочими, продающими свою рабочую силу. Более прав в этом вопросе Н. М. Дружинин, когда утверждает, что “незавершенность капиталистического переустройства в 60-х годах XIX в. породила буржуазно-демократическую революцию

---

¹ Там же, с. 224-225.

² С.М. Дубровский был замечен еще в дискуссиях 20-х годов, где он довольно часто менял свои позиции.

³ Там же, с. 147.

⁴ Пажитнов К. А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. - “Исторические записки”, 1940, вып. 7.

⁵ Анфимов А. М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. - “Исторические записки”, Т. 65. М., 1959, с. 121.

1905 г.¹ Однако вспомним, что эта революция вырвала лишь некоторые уступки у феодальной системы, царизма. То есть, “незавершенность капиталистического переустройства” растянулась и до 1917 г.

Некоторые советские историки, правда, очень немногие, хорошо показали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX века сохранялись некапиталистические уклады. Так, В. В. Адамов утверждал, что в этот период вся российская промышленность была многоукладна. Он приводит мнение комиссии Д. И. Менделеева, посетившей Урал в 1898 г., о большой степени натурализации в промышленности Урала: “Почти повсеместное господство старого дореформенного принципа “иметь” все свое от рабочего до последнего гвоздя”.² В.В. Адамов также отмечал, что лишь в конце XIX - начале XX веков в прессе и литературе был поднят вопрос “о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности Урала на капиталистических началах”.³ А надо сказать, что в начале XX века Урал продолжал концентрировать существенную долю национального промышленного производства. Так, в 1910 г. из 173 действующих железодельных предприятий страны 94 (или 54 %) размещались на Урале.⁴ То есть, более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX века не было охвачено капиталистическими отношениями в точном смысле этого слова.

У некоторых отечественных историков также можно обнаружить аналогичную позицию, но, что называется, читая между строк. Так, М. Я. Гефтер, анализируя дискуссию 1929 г. о финансовом капитале в России, отмечал, что в той дискуссии выяснялась внутренняя почва для появления “перезрелого капитализма” в стране, где, как пишет Гефтер и что можно принять за его позицию, “еще не сложились окончательно или даже отсутствовали многие из основных условий для капитализма свободной конкуренции”.⁵ В Предисловии к этой книге 1972 года и изданной в Свердловске, В. В. Адамов также отмечал, что “крупный капитал в России, хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь ее строй. Экономика страны до самой революции носила переходный характер.”⁶ Вот, если внимательно читать тексты некоторых советских историков можно почерпнуть много поучительного. Однако такая позиция была очень редким исключением, к тому же глубоко запрятанная в гуцу общепринятых

---

¹ Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М., 1955, с. 36.

² Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. - В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972, с. 250.

³ Там же, с. 252.

⁴ Статистический ежегодник на 1912 год. Под ред. В. И. Шараго. СПб, 1912, с. 158.

⁵ Гефтер М. Я. Многоукладность - характеристика целого. - В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972, с. 85.

⁶ Там же, с. 11.

стандартных положений и фраз. На всю эту свердловскую книгу, пожалуй, вот эти два реалистических мнения, которые тонут в море повторений официальной советской позиции о среднеразвитом и даже высокоразвитом российском капитализме. Вот, к примеру, место из стандартной статьи К. Н. Тарновского, где развивается совершенно обратная позиция. Он пишет, что серия статей и монографий, опубликованных в начале 1960-х годов, "привели к преодолению тезиса о слабости, недоразвитости капиталистического империализма в России. Вывод о том, что российский монополистический капитализм не имел принципиальных отличий от империализма более развитых экономически государств Западной Европы и Америки, стал прочным достоянием науки".¹ Однако, позволим себе спросить – что это была за птица "советская историческая наука"?

Известный французский историк Н. Верт по этому вопросу пишет даже так: "Часто, вопреки собственным исследованиям, советские историки настойчиво утверждают, что отмена крепостного права, которую они называют "буржуазной реформой", вызвала ускоренное развитие капитализма в деревне. Тем самым они лишь повторяют тезис Ленина, выдвинутый им в 1900 г. в работе "Развитие капитализма в России". В действительности же, если принять во внимание те условия, при которых было уничтожено крепостное право, его отмена вовсе не способствовала развитию капитализма, а скорее укрепляла архаичные, можно сказать феодальные, экономические структуры".² Однако, последнее утверждение французского историка, что отмена крепостного права укрепляла архаические феодальные структуры, думается, малообоснованно. Все-таки, она их расшатывала. Но суть дела автор уловил верно: 1861 год еще не дал и не мог дать капитализма как господствующую форму производства в стране, хотя и открыл возможность такого развития.

В последнее время и среди отечественных исследователей начинают появляться реалистические взгляды на процесс генезиса капитализма в России. Так, Е. Г. Плимак и И. К. Пантин совершенно справедливо пишут, что хотя после реформы 1861 г. "была приоткрыта дверь буржуазному прогрессу", но царизму так и "не удалось превратить процесс внедрения и роста "верхушек" капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений". И даже в результате реформ Витте-Столыпина, верно считают эти авторы, капиталистические отношения "оказались неспособными охватить все народное хозяйство".³ Это действительно реалистический и современный взгляд на вещи.

Таким образом, следует признать совершенно несостоятельным общераспространенное среди историков (и, конечно, не только среди них) утверждение, зафиксированное в Советской исторической энциклопедии, что господство капиталистического строя в России приходится на период 1861 - 1917 гг. И

---

¹ Там же, с. 16.

² Верт Н. История советского государства. 1900 - 1991. М., с. 13.

³ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000, с. 19, 20.

что этот период “делится на две стадии: прогрессивного, восходящего развития (1861 - конец 19 в.) и стадию империализма, гибели капиталистической системы эксплуатации (начало 20 в. - 1917)”.¹ Нелепость этого положения просто вопиющая. По мнению авторов, капитализм восходяще развивался до конца XIX века, т.е. до начала первого этапа индустриализации. Но что же это был за “капитализм” без индустрии, без крупной машинной промышленности? Далее, на зрелую стадию капитализма авторы этой, с позволением сказать, энциклопедии отводят 17 лет, когда капитализм не только стал зрелым, но и перезрел и ликвидировался. И это в России, которая позже других стран вступила на капиталистический путь развития и буквально тут же его и закрыла, несмотря на то, что все остальные страны мира преспокойно до сих пор развиваются в лоне капиталистического способа производства. Хотя многие из них начали свой путь к капитализму на несколько сот лет раньше России. Таким образом, развитие капитализма в России после отмены крепостного права действительно началось, но до его господства было еще очень далеко.

Развитие капитализма в аграрном секторе

Теперь рассмотрим вопрос – как обстояло дело с капитализмом в сельском хозяйстве. Прежде всего заметим, что нельзя распространять господство (подчеркнем, не развитие, а именно господство) капиталистического строя в России на период второй половины и конца XIX века, не объяснив - куда девалась община. Ведь более 80 % населения страны в начале XX века составляло сельское население и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным историков, 83,2 % крестьянской земли в Европейской России в 1905 г. было в общинном пользовании.² И как считают современные историки, “хотя община в 20-е годы формально не представляла, как до революции, административную единицу, фактически оставалась в системе государственного устройства”.³

В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, как отмечают специалисты по аграрному вопросу России в конце XIX века, несмотря на усиление процесса замены отработочной ренты на денежную, что могло бы свидетельствовать о проникновении товарных отношений вглубь сельскохозяйственного производства, эта замена была лишь номинальной. Помещики и владельцы земли сообразили, что сдавать землю в

---

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965, ст. 988.

² Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 100.

³ Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. - В сб.: Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М., 1997, с. 86-87. Современный японский историк Юзури Таниуги также отмечает, что русская община пережила октябрьскую революцию и стала “преобладающей формой землепользования у крестьян” весь период нэпа. (Таниуги Ю. К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община. - В кн.: Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996, с. 368).

аренду выгоднее не за натуральные отработки на земле владельца, а за деньги. Но так как денег на селе было мало, а рабочих рук много, то деньги ценились выше труда. У крестьян денег не было и расплачиваться им в конце концов приходилось трудом, т. е. теми же натуральными отработками, но уже в большем размере. На это впервые обратил внимание известный историк аграрных отношений в России А. М. Анфимов: "Началась своеобразная мимикрия отработочной системы: по учету - денежная, а по сути - отработочная. Это вконец запутало статистиков, и статистическое отражение арендных цен превратилось в фикцию". И несколько дальше: "Денежные расчеты были лишь оболочкой, денежной оберткой той же отработочной системы".¹ Значит, даже там, где натуральные экономические отношения в аграрном секторе заменялись как бы денежными, все это было не глубинной трансформацией, а внешней, по форме. Конечно, какие-то моменты капитализации аграрного строя имели место (отрицать это невозможно), но и они были или незначительными, или локальными. "Если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, - писал М. Я. Гефтер, - то крепостнический уклад является фактически всероссийским".² Академик Н.М. Дружинин в одной из своих работ специально отмечал: "Аграрный вопрос и ликвидация сословной неравноправности крестьян оставались в центре внимания не только революционных социалистических партий, но и либерально-реформистских течений вплоть до социального переворота 1917 г."³ Тем самым признается, что 80 % населения страны до самого 1917 г. находилось в "сословной неравноправности", т.е. не освободилось еще от пут феодализма.

Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни, но он не был ни последователен, ни закончен. И по общему мнению специалистов эти реформы потерпели поражение. Тот же А. Анфимов на основе тщательного и детального анализа делает такой вывод: "Официальные государственные акты позволяют высказать утверждение, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина".⁴ Другой крупный отечественный историк И.Д. Ковальченко, который, заметим, по вопросу капитализации аграрной сферы придерживался противоположной позиции, чем Анфимов, тем не менее после тщательного анализа всех современных "мифов и реальностей" столыпинской реформы делает тот же самый вывод: "Проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до

---

¹ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 17, 20. Надо сказать, что этой статистической ловушки не избежал и В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России», где приводятся многочисленные данные о росте денежной ренты, как показатель разложения феодальных отношений в деревне. На самом деле все было много сложнее.

² Гефтер М. Я. Многоукладность - характеристика целого. - В кн.: Вопросы истории капиталистической России. - Свердловск, 1972, с. 91.

³ Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990, с. 366.

⁴ Анфилов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 133.

Первой мировой войны».¹ В этой связи следует признать ничем не обоснованным и крайне устаревшим мнение некоторых историков (как старых, так и новых), что «на основе столыпинской реформы ликвидируется поземельная община», высказанное еще в 1951 году тем же вездесущим академиком Н.М. Дружининым.² Это искусственно притянутое мнение, как и многие другие такого же рода, высказывалось лишь с одной целью – показать или провозгласить (ибо доказать это было невозможно) высокую степень развития капиталистических отношений в России в начале XX века. Но, ведь, даже революция 1917 г. (и Февраль, и Октябрь) не разрушила общину в деревне, хотя и расшатала. Некоторые исследователи даже полагают, что революция 1917 года укрепила общину, что в деревне «была именно общинная революция»³. С формальной точки зрения это верно, но по существу – нет. Ибо антифеодальная революция, в деревне направленная прежде всего против помещичьего землевладения, по смыслу не может укреплять другой элемент феодального общества, т.е. общину. Хотя на какое-то время после революции общинные настроения в деревне, действительно, укрепились. По настоящему обезземеливания крестьянства провел деспотическими методами И. Сталин в начале 30-х годов уже XX века. Однако остатки общинного уклада в деревне (и не только там) в определенном смысле просуществовали в России весь XX век.

Итак, основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством, несмотря на бурное развитие промышленности. Некоторые историки утверждают, что и в аграрной сфере происходило интенсивное развитие капиталистических отношений. Действительно, такое развитие имело место. Однако, показатели товарности крестьянского сельскохозяйственного производства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Так, известные историки-экономисты Н. Д. Кондратьев и П. И. Лященко дают примерно равный процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX века: 33,3 % (Н. Кондратьев)⁴ и 26,0 % (П. Лященко). Причем, последний отмечает при этом, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали его товарность лишь 14,7 %.⁵ Иными словами, несколько более 85 % производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. Это резко контрастирует с бездоказательными утверждениями многих историков советской поры, что к середине

---

¹ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 485.

² Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М.: Наука, 1987, с. 165.

³ Беспалов С.В. Модернизация России в конце XIX – начале XX века (К вопросу о предпосылках революции 1917 г.). (Обзор). – В кн.: 1917 год. Россия революционная. Сб. обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2007, с. 74.

⁴ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991, с. 101.

⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 279.

XIX века у нас существовало крестьянское хозяйство, "которое уже в значительной мере втянулось в товарное производство".¹

С вышеприведенными данными о низкой доли товарности сельскохозяйственного производства почти полностью совпадает и другое статистическое наблюдение. Академик В. С. Немчинов, разрабатывая вопрос о социально-экономических группировках крестьянских хозяйств в конце 20-х годов прошлого века, приводит группировку Г. И. Баскина за 1913 г. по Ставропольскому уезду.² Согласно этой группировке, крестьянских хозяйств, которые вели свое хозяйство на основе капиталистических методов (т. е. земледельческие хозяйства предпринимательского типа и торгово-промышленные хозяйства) было всего - 2,6 %. Чисто трудовых земледельческих хозяйств и бедняцких хозяйств было - 65,3 %. Если сюда добавить половину от числа хозяйств с временными наемными работниками (которых было - 31,5 %), ибо примем, что далеко не все эти хозяйства были товарными в существенной своей части, то получаем итоговую цифру в 80 %. Эта цифра поразительно близка к нашим вычислениям натуральности сельскохозяйственного производства (85 %), проведенных на основе данных П. И. Лященко. Из другой работы В. С. Немчинова можно заключить, что даже в предколхозный период (1928 -1929 гг.) в СССР в целом до 60 % крестьянских хозяйств он относил к докапиталистическим формам производства.³

Таким образом, дореволюционная русская деревня, объединяющая абсолютное большинство населения страны и тем самым доминирующая во всех сферах русской жизни, была опутана не капиталистическими, а еще феодальными отношениями. И сегодня совершенно справедлив вывод П.И. Лященко, сделанный им еще более полувека назад: "Гвоздём аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же как и в 1861 г. оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий".⁴

Выводы серьезных отечественных ученых подтверждаются и работами зарубежных исследователей. Так, немецкий историк К. Функен пишет, что вплоть до октября 1917 г. "отношения в деревне остаются в переходной стадии, где чисто феодальная и полуфеодальная эксплуатация смешивается с мелкобуржуазным и капиталистическим аграрным производством, а сама Россия после пятидесяти лет "политики реформ" все еще была системой, смешанной из феодальных и капиталистических элементов".⁵

Таким образом, говорить о сильном проникновении капитализма в аграрный сектор дореволюционной России просто не приходится. Главная проблема в аграрной

---

¹ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969, с. 338.

² Немчинов В. С. Избр. произведения. Т. 1. Теория и практика статистики. М., 1967, с. 71-72.

³ Немчинов В. С. Избр. произведения. Т. 4. Размещение производительных сил. М., 1967, с. 374.

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 88.

⁵ См.: Россия XIX-XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996, с. 179.

сфере состояла в малоземелье подавляющего числа крестьянских семей. То количество земли, которым владели крестьяне, не могло обеспечить их выживаемость. По имеющимся данным в центральных губерниях России на крестьянский двор приходилось в среднем 7-8 десятин (1 дес.=1,09 га.) земли.¹ Тогда как для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства нужно было в два раза больше, т.е. 14-15 десятин. Необходимость перераспределения земли, в первую очередь помещичьей, и составляла основную материальную предпосылку русской революции.

Степень развитости капитализма

Многие историки и экономисты, когда рассуждают о развитии капитализма в России не различают собственно капиталистическое развитие и экономический рост или экономическое развитие. Так, в обобщающем многотомном труде по истории экономики СССР читаем: "Об уровне развития капиталистической экономики России можно судить по следующим показателям: в 1913 г. по уровню промышленного производства Россия занимала пятое место в мире, по добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов - второе, по выработке хлопчатобумажных тканей (суровых) - третье, по продукции машиностроения, по производству кокса и сахарного песка (из отечественного сырья) - четвертое, по производству чугуна, железной руды, цемента, выплавке стали - пятое, по добыче угля - шестое". И из всего этого делается такой вывод: "Развитие капитализма в России подготовило необходимые материальные предпосылки для социалистической революции и строительства нового общества".² Из более свежих сочинений можно привести такое мнение: "Рост промышленного производства, отвечавший в России почти исключительно потребностям внутреннего спроса, отражал степень капиталистической эволюции всего народного хозяйства. При этом абсолютные его размеры характеризовали масштаб передовой капиталистической сферы экономики страны, а показатели промышленного производства на душу населения указывали на глубину проникновения капитализма в толщу производственных отношений, степень подчинения им всего народного хозяйства и распространения его на территорию страны".³ Очень странная логика у этого историка. Если считать производство на душу населения, значит проникать "в толщу производственных отношений". Но ведь производственные отношения находятся отнюдь не в душе населения. Как раз эти показатели "на душу" в России резко отличались от европейского стандарта в меньшую сторону.

---

¹ См.: Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции». – В сб.: 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 132.

² История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917 -1920 гг. М., 1976, с. 17.

³ Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. М., 2001, с. 45.

Развитие экономики России в рассматриваемый период действительно было значительным, но это еще не выводило страну в ряд высокоразвитых капиталистических стран. По среднедушевому доходу страна оставалась в разряде отсталых стран мира. Так, по данным известного американского исследователя П. Грегори Россия в 1913 году имела доход на душу населения, равнявшийся 50 % немецкого и французского, 20 % английского и 15 % американского. К 1913 г., - продолжает анализ П. Грегори, - относительная позиция Российской империи ухудшилась из-за быстрого роста населения и сравнительно низких темпов роста объема производства между 1861 г. и 1880-ми гг. И такой вывод делает ученый: "Относительная отсталость экономики России очевидна".¹ Имеющиеся данные свидетельствуют даже об отставании России от стран Запада. Так, если в 1830 г. российский ВНП на душу населения составлял 70 % от среднеевропейского, то в 1913 г. он опустился даже до 60 %.² Д.И. Менделеев также приводит расчеты, согласно которым в 1905 г. "сумма ценности нашего фабрично-заводского производства едва ли превосходит" по 25 руб. в год в среднем на жителя, тогда как в США тот же показатель составляет 330 руб. "До заработков испанских или итальянских, потом до немецких, французских и английских, а тем паче до американских нам очень далеко" - делает вывод Д.И. Менделеев.³ Экономическую отсталость России отмечали и некоторые советские историки. Так, И.Ф. Гиндин писал еще в 1970 году: "С 1861 по 1890 г. по темпам роста фабрично-заводской и горной промышленности Россия опережала Францию и Англию, а в 1890-1913 гг. - Германию и даже США. Однако в 1913 г. повысившийся удельный вес российской промышленности в совокупной промышленной продукции пяти указанных стран оставался незначительным".⁴ И хотя автор по традиции того времени пишет о "капиталистической" России, но тут же и оговаривается, что российский капитализм "не мог совершить скачок в своем развитии и преодолеть вековую отсталость", что "тяжелое наследие крепостничества и азиатчины по рукам и ногам сковывало развитие страны".⁵ Есть и более обобщенные данные. Так, А.Г. Вишневский приводит данные американских исследователей темпов прироста валового национального продукта за 1870-1913 гг. по основным странам. Согласно этим данным, среднегодовые темпы прироста на душу населения были (в процентах): Россия - 1,0; США -2,2; Великобритания - 1,1; Германия - 1,6; Франция - 1,4; Италия - 0,7; Япония - 1,7.⁶ Так, Россия, хотя и развивалась почти как западные

---

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX - начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. - М.: РОССПЭН, 2003, с. 21.

² Экономическая история России XIX - XX вв.: современный взгляд. М., 2000, с. 209.

³ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002, с. 346.

⁴ Гиндин И.Ф. В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. - В сб.: В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 265.

⁵ Там же, с. 266.

⁶ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. - М.: ОГИ, 1998, с. 12.

страны, но по темпам прироста опережала только Италию. Поэтому вывод А.Г. Вишневого о том, что «в целом, несмотря на ускоренное промышленное развитие, преодолеть отрыв от западных стран не удавалось, возможно, он даже увеличивался», следует признать вполне убедительным.

Современный историк российских моделей индустриализации делает такой обоснованный вывод: «Если сравнить темпы индустриализации СССР и дореволюционной России, то последняя по сути дела топталась на месте... Нет никаких оснований утверждать, что при сохранении дореволюционного экономического устройства Россия достигла бы большего экономического развития, чем при большевиках».¹ Таким образом, сделаем вывод, что «русский капитализм» как не смог преодолеть «наследие крепостничества и азиатчины», так и не смог провести индустриализацию и создать крупное машинное производство. Значит, господствовали не капиталистические отношения, хотя они и были в изрядной доле, а отношения «крепостничества и азиатчины».

Однако главное - нельзя путать экономический рост и социальную форму этого роста, то есть нельзя путать развитие производительных сил и развитие производственных отношений. Конечно, одно должно соответствовать другому и история это подтверждает. Но это соответствие не происходит автоматически с каждым пунктом развития техники и технологии производства. Естественным образом производственные отношения более или менее отстают от своего материального базиса и соответствуют ему лишь в конечном счете. Поэтому следует признать грубой методологической ошибкой, когда показателями промышленного производства на душу населения определяют степень развитости капиталистических производственных отношений.

При этом необходимо иметь в виду, что значительную долю национального дохода России в начале XX века давало именно сельское хозяйство. По обобщенным данным А. Л. Вайнштейна в 1913 г. на долю сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства и охоты приходилось 54 -52 % (по подсчетам разных экономистов) национального дохода страны, а на промышленность, строительство и транспорт - 34-36 %.² Иными словами, индустриальный сектор отнюдь не доминировал в дореволюционной России, и темпы его развития, временами значительные, не создавали в стране даже «среднеразвитого» капитализма.

Капиталистические производственные отношения как таковые характеризуются наемным трудом прежде всего в отраслях, где производится прибавочная стоимость, то есть характеризуются эксплуатацией чужого труда. А это должно означать для условий России массовый переход рабочей силы из деревни в город, в промышленность. Еще в свое время К. Маркс замечал относительно России:

---

¹ Бокарев Ю.П. Две модели индустриализации. – В сб.: История российской промышленности в XX веке. – М.: ИЭ РАН, 2004, с. 30-31.

² Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969, с. 68, 71.

“Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, - а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, - она не достигнет этого, не превратив предварительно значительную часть своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все”.¹ А как будет показано ниже, к 1917 г. крестьянское население в России существенно преобладало, численность пролетариата была ничтожна. В Германии уже к 1910 г. большая часть населения проживала в городах, и рабочие составляли более 60 % населения страны.²

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о численности пролетариата (рабочего класса) в России в начале XX века, ибо здесь также накопилось много совершенно фантастических представлений.

Наемный труд и численность пролетариата

Исследуя предпосылки революции 1917 года, необходимо также прояснить вопрос о главном ее субъекте: какой класс или слой выступил основной движущей силой в революции. Если капитализм в стране был достаточно развит и революция по сути дела была не нужна, то, видимо, преобладающим классом уже был рабочий класс. Далее, если эта революция была социалистической или пролетарской, то, стало быть, основным ее двигателем должен быть пролетариат. Таким образом, важным представляется выяснение вопроса о численности рабочего класса (пролетариата) в канун русской революции 1917 года. В этой связи нелишним будет привести слова К. Каутского, который в согласии с марксистской традицией считал, что сильнейшим оружием пролетариата является его численность. “Он может освободить себя только тогда, - пишет К. Каутский, - когда сделается самым многочисленным классом, когда капиталистическое общество настолько развилось, что в работающих классах уже не преобладают крестьяне и мелкая буржуазия”.³ В России же к 1917 году существенно, ощутимо преобладало крестьянство. Этот факт никто не подвергает сомнению. И тем не менее желательно посмотреть – сколько же было в реальности рабочего класса на этот период.

На этот счет имеются самые разные, порой фантастические представления. Официальный советский историограф “Великой Октябрьской социалистической революции” академик И. И. Минц в своем фундаментальном творении “История Великого Октября” пишет, что “пролетариат и полупролетариат вместе составляли в 1913 г. 64,4 % населения страны”.⁴ Количество пролетариата вроде бы вполне

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 19, с. 120.

² Экономическая история капиталистических стран. Курс лекций под ред. Ю. К. Авдакова и Ф. Я. Полянского. М., 1962, с. 367.

³ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большеизм в туллке. М., 2002, с. 49.

⁴ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. - М.: Наука, 1977, с. 15. Это тот самый Исаак

достаточное для свершение пролетарской революции. Но вот что такое "полупролетариат"? Оказывается, что сюда относятся такие слои населения как прислуга (лакеи), кустари, мелкие торговцы и прочие категории, которые всегда в марксистской литературе относились к мелкой буржуазии или ее разновидности. Более реальную структуру трудящегося населения России в предреволюционную пору дает А. Г. Рашин¹. По его данным получается в 1913 году: промышленных рабочих и служащих - 7 850 тыс., занятых на транспорте и связи - 1 400 тыс., сельскохозяйственных рабочих - 4 500 тыс., чернорабочих и поденщиков - 1 100 тыс., рабочие, ученики и служащие в торговле, гостиницах, ресторанах - 865 тыс., разнообразная "прислуга" - 2 100 тыс. В целом получается 17 815 тыс. человек или, если принять все население России в 1913 г. в 159,2 млн. человек, то все трудящиеся массы (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составят немногим более 11 % населения страны.

В этих исчислениях А. Рашина, которые, можно сказать, стали классическими и широко воспроизводятся многими исследователями, есть тем не менее серьезные изъяны. Так, в пункте "фабрично-заводские и горнозаводские рабочие и служащие" (3 350 тыс.) объединяются, собственно, рабочие и служащие. Последние в тогдашних условиях России составляли достаточно привилегированный класс и ни с какой стороны не относятся к пролетариату. В другом месте А. Рашин указывает, что только рабочих промышленных предприятий страны в 1913 г. насчитывалось 2 120, 8 тыс. человек,² что составляло примерно 1,3 % общей численности населения страны. Но это по Рашину касается только численности рабочих промышленности. Затем, весьма сомнительно относить к пролетариату разнообразную прислугу в количестве 2 100 тыс. Так же и сельскохозяйственные рабочие (4 500 тыс.), это все-таки больше крестьяне, которые подрабатывают по найму. Таким образом, если даже очень грубо очистить данные Рашина от явных натяжек (т. е. вычтуть прислугу; рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах; сельскохозяйственных рабочих), но оставить в его перечне "служащих" во всех остальных разрядах, ибо не представляется возможным их статистически вычлениить, то получаем общий итог в 10 350 тыс. человек или 6,5 % от всего населения.

Советский официальный статистический справочник на 1913 г. дает более высокую цифру рабочих - 14,6 %.³ Последний авторитетный советский историк П. В.

Минц, который по свидетельству Миклоша Куна, вместе с Мехлисом возглавил разгром "школы Бухарина" в Институте красной профессуры в мае 1928 г. и сделал карьеру "подчас на костях своих же сокурсников" (Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992, с. 229).

¹ Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, с. 171.

² Там же, с. 42.

³ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. - М.: Статистика, 1977, с. 8.

Волобуев считает численность пролетариата в общей массе населения в 1917 г. в 10 %.¹ Однако, в любом случае, все это не минцевские 64,4 % пролетариата и полупролетариата.

Если же подходить к определению численности пролетариата более строго, то следует выделять лишь промышленный пролетариат, который и является согласно ортодоксальному марксизму, собственно, носителем идеи “научного социализма”. Ясно, что такие категории трудящихся как прислуга, ученики и служащие в торговле, поденщики, рабочие-надомники и т. п., промышленным пролетариатом не являются. Нельзя к нему относить и сельскохозяйственных рабочих потому, что в российских условиях это по сути дела те же крестьяне, которые в силу разных причин временно вынуждены работать по найму. Однако и у них есть свой крестьянский дом, свое хозяйство, крестьянская (в целом мелкобуржуазная), а не пролетарская идеология и психология.

Таким образом, если брать только пролетариат в узком его значении, которое является и наиболее точным, то есть рабочих фабрично-заводской промышленности, то мы должны остановиться на 1917 революционный год на цифре где-то в 3 млн. человек. Именно на эту цифру указывают многие другие авторы. Так, авторитетный советский статистик трудовых ресурсов Л. Е. Минц приводит таблицу, в которой на 1917 г. дается цифра в 2,9 млн. человек фабрично-заводских рабочих.² Если к этой цифре добавить еще работников железнодорожного транспорта (т. е. рабочих и служащих вместе, ибо мы не располагаем отдельной статистикой по данному разряду) в размере 520 тыс. человек постоянно занятых или даже 905 тыс. вместе с временными и поденными³, то получим около 4 млн. человек. Другой весьма авторитетный специалист в области экономической истории П. А. Хромов приводит почти те же данные. По его мнению в 1913 г. в крупной фабрично-заводской промышленности России было занято 3,1 млн. рабочих. Некоторые советские статистические сборники дают примерно ту же цифру рабочих промышленности в 1913 г. в 3,5 млн. или 3,9 млн. человек.⁴ Если же учитывать численность “работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и других”, то П. Хромов дает общую численность пролетариата России в 1913 г. приблизительно в 4,5 млн. человек.⁵ Другие авторы приводят примерно такие же данные.¹

---

¹ Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987, с. 127.

² Минц Л. Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975, с. 39.

³ Там же, с. 103.

⁴ В 1913 г. на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г. среднегодовая численность наемных рабочих составляла “около 3,5 млн. человек” (Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957, с. 23). См. также: Народное хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960, с. 139; Страна советов за 50 лет. Сборник стат. материалов. М., 1967, с. 52.

⁵ Хромов П. А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического

Ко всему этому следовало бы добавить, что большая часть рабочих сосредотачивалась в 2-3 промышленных центрах: Санкт-Петербург, Московская и Владимирская губернии. В 1910 г. на эти три центра приходилось 683 тыс. рабочих или 42 % всех рабочих промышленности страны.² Можно предположить, что и в последующие годы при абсолютном увеличении численности рабочих пропорции в распределении их между промышленными центрами и всей остальной Россией существенно не изменились.

Итак, к пролетариату, собственно, можно отнести 3-5 млн. человек на почти 160 млн. населения страны в 1917 г. Другими словами можно сказать, что пролетариата в точном смысле этого слова (тем, кому, с одной стороны, действительно нечего терять кроме "своих цепей" и, с другой стороны, не люмпенов, не деклассированных элементов) перед революцией 1917 года в России было примерно 2-3 % от всего населения страны. Здесь, правда, можно возразить, что в данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру как минимум в 2-3 раза. Более того, некоторые исследователи считают, что относить численность рабочих ко всему населению научно некорректно. Ибо логично и правильно было бы соотносить число рабочих с численностью не всего населения, а только занятых в народном хозяйстве. Но это логично для сегодняшнего дня, а не для начала XX века. В начале XX века в России доминировал крестьянский труд, которым, в силу его характера, занимался не только глава семьи, "кормилец", но вся семья целиком. Поэтому крестьянами считались не только юридически, но и по существу, все 80 % населения страны, живущие в деревне и ведущие крестьянское хозяйство. У рабочих другая ситуация, ибо иждивенцы в семье рабочего, собственно, к рабочему классу не относятся. Членов семьи иждивенцев нельзя включать в общее число пролетариата (или шире - рабочего класса), ибо домашняя хозяйка и тем более дети и старики не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже, если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса в любом случае не превысит 5-6 % от всего населения страны.

К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, далеко еще не оборвали свои связи с сельскохозяйственным производством, психологически были

капитализма в России. М., 1982, с. 152.

¹ П. Лященко приводит цифру в 2,5 млн. рабочих на 1 января 1915 г. (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 650). В. Булдаков приводит данные, согласно которым в начале 1917 г. промышленных рабочих в России было 4,8 млн. человек (См.: Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? - М.: Политиздат, 1991, с. 25). Известный американский историк М. Левин также считает, что пролетариат перед революцией насчитывал не более 3 млн. промышленных рабочих (Lewin M. Lenin's Last Struggle. N.-Y., 1970, p. 5). Эти же 3 млн. рабочих "в строгом смысле слова" приводит Н. Верт (Верт Н. История советского государства. 1900 - 1991. М., 1992, с. 17).

² Статистический ежегодник на 1912 год. Под ред В. И. Шарого. СПб., 1912, Часть 1, с. 202.

близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы. В старой статистической литературе, а также и в новейшей исторической литературе этот вопрос, думается, прояснен уже основательно.

В этом отношении показательны материалы выборочной переписи 1929 г. по рабочим профессиям металлистов, горнорабочих и текстильщиков, обобщение которых опубликовал известный советский экономист Я. Б. Кваша совместно с Ф. Шофманом в 1930 году.¹ Перепись проводилась в главнейших промышленных центрах страны: Московской промышленной области, Ленинграда, Ивановской области, Донбасса, Урала и Баку. Так вот, по данным Я. Б. Кваши, выходцев из крестьян (по социальному положению отца) среди металлистов Ленинграда и Московской губернии было 38 %. Среди текстильщиков московской области - 34,7 %, Ивановской области - 43,6 %, Ленинграда - 35,5 %. В каменноугольной промышленности Донбасса таких рабочих было 63,0 %, среди металлургов Украины - 53,7 %, металлургов Урала - 26,4 %. Последняя цифра может характеризовать уже сложившиеся промышленные традиции Урала. Но при этом надо иметь в виду особый характер уральской промышленности.

Это обнаруживается, если обратиться к рассмотрению вопроса о владении рабочими землей и занятием сельскохозяйственным производством. Так, из тех же данных Я. Б. Кваши следует, что в период 1914-1917 гг. землей владели среди рабочих ленинградской металлопромышленности - 12,3 %, московской металлопромышленности - 30,9 %, уральской - 30,1 %, московской текстильной промышленности - 24,7 %, ивановской - 15 %. Обращает на себя внимание факт, что среди уральских металлургов владели землей более 30 % рабочих, но крестьянские корни имели лишь 26,4 %. То есть, рабочие Урала, с одной стороны, среди всех рабочих России были, так сказать, "самыми рабочими". Но, с другой стороны, оказались в числе самых больших "землевладельцев", тех, кто не порывал с сельскохозяйственным производством. Это объясняется в целом отсталым характером индустриальных отношений Урала, о чем уже шла речь. В статье Я. Кваши и Ф. Шофмана цитируется одна примечательная резолюция Уральской областной конференции марксистов-аграрников (ноябрь 1929 г.), где среди прочего говорится: "Особенностью Урала является то, что рабочие в старых заводских районах Урала в то же время являются сельскими хозяевами, что накладывает своеобразный отпечаток и на промышленность и на сельское хозяйство Урала".² Вот! А многие советские историки 60-х годов (времен хрущевской "оттепели") продолжали упорно твердить о господстве капиталистических отношений, не "видя" архаичный

---

¹ Кваша Я., Шофман Ф. К характеристики социального состава фабрично-заводских рабочих СССР. - Пути индустриализации, 1930, № 1. Перепечатано в кн.: Кваша Я. Б. Избранные труды. Т. 1. Методологические основы статистического анализа. М., 2003, с. 191-215.

² Цит. по: Кваша Я. Б. Избранные труды. Т. 1. М., 2003, с. 212.

(полукрепостнический) характер даже промышленности Урала, что хорошо разглядели “марксисты-аграрники” уже в 1929 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что почти половина рабочих России в первой четверти XX века стали таковыми лишь в первом поколении. Да и среди всех рабочих от 12 % до 30 % и более держали землю в целях сельскохозяйственного производства. Здесь уместно привести мнение крупного отечественного историка Л.В. Милова о силе инерции крестьянского хозяйства в среде промышленных рабочих: «Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и отрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Это классическая форма крепостного промышленного труда...»¹. Иными словами, до 30 % промышленных рабочих России в начале XX века все еще не могли выбраться из пут феодальных отношений.

Современные исторические работы в целом подтверждают эти положения. Так, историк Д. Чураков приводит данные, согласно которым от 10 до 20 % фабрично-заводских рабочих Московской губернии в начале XX века уходило на летние работы в село. И согласно данным статистики большинство рабочих все еще принадлежало к крестьянству “по социальному положению”². Известный экономист начала века Н. А. Каблуков делает такой вывод: “Тогда как на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, у нас, за сравнительно небольшим исключением, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, его более тянет к земле”.³ П. Волобуев также отмечал у значительной части пролетариата наличие мелкобуржуазных взглядов и представлений.⁴ Такой западный историк как Р. Пайпс в обычной своей манере перехлестов пишет даже так: “В начале XX века промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства”.⁵ Это, конечно, лишь частичная истина, но весьма характерная.

Однако, даже детальный подсчет общего числа рабочего класса в России кануна революции 1917 года еще не означает, что все они как один были активными участниками революции. Среди рабочих были монархисты, черносотенцы, да и просто равнодушные и трусливые люди. Далеко не все, так сказать, стопроцентные пролетарии шли за большевиками, принимали активное участие в революции. Современный историк Е. Г. Гимпельсон отмечает, что при анализе рабочего класса в революции следует учитывать его социальную неоднородность, “наличие в его составе многочисленных отсталых слоев с мелкобуржуазными взглядами,

---

¹ Милов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. – М.: Наука, 2006, с. 570.

² Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. - М., 1998, с. 29, 30.

³ Цит по: Чураков Д. О. Цит. произв., с. 29-30.

⁴ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, с. 25.

⁵ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994, с. 120.

настроениями, слоев, которые не поддерживали революцию, находились под влиянием меньшевиков и эсеров (железнодорожники, печатники)".¹ Вместе с тем, конечно, этого автора можно поправить, что меньшевики и эсеры были не против революции и социализма, а были против Октябрьского переворота, против большевиков. Но они также выступали за революцию, принадлежали к революционному крылу социалистических партий. То есть, та часть пролетариата, которую вели за собой, скажем, меньшевики, также носила в себе эмбрион социалистической революции. Другое дело, что Е. Гимпельсон прав по существу, что какая-то часть пролетариата могла поддерживать монархические или капиталистические основы. Но эта часть была, видимо, незначительной.

Таким образом, рабочий класс в России в 1917 году был и количественно не очень значителен, и качественно далеко не весь обладал пролетарским самосознанием. Собственно говоря, и сами лидеры большевиков это прекрасно понимали. Так, хорошо известны опасения В.И. Ленина, что после революции большевистская партия может очень легко и просто переродиться. В марте 1922 г. он писал о "непролетарском составе нашей партии" и что "пролетарская политика партии определяется не ее составом", а тончайшим слоем "старой партийной гвардии".²

Поэтому, сделаем общий вывод, что собственно пролетариат в России кануна революции был столь численно и качественно незначителен, что говорить о преобладании пролетарской идеологии над буржуазной в подавляющей массе населения просто не приходится. Более того, лидеры большевиков в первые послереволюционные годы много сил положили на борьбу против мелкобуржуазного перерождения собственной партии. И как мы знаем из дальнейшего хода истории, такое перерождение и произошло уже в середине 20-х годов. То есть, непролетарский характер как революции, так и самой большевистской партии сказался в полной мере.

Относительно социального состава партии имеются любопытные данные известного статистика С. Г. Струмилина на 1922 г. По его исследованию получается, что на этот год фабрично-заводских партийных ячеек было лишь 9,4 % (на транспорте еще - 5,4 %) от всего количества партийных ячеек, которые охватывали 10,5 % от всех членов партии (на транспорте еще 7,1 %).³ Причем, как замечает сам автор, далеко не все члены фабрично-заводских партийных ячеек были рабочими, ибо туда же входили служащие и другой персонал. Общее же число рабочих в 1922 г. среди членов партии С. Струмилин определяет в 37,3 % (крестьян - 32,1 %).⁴ Однако надо иметь в виду, что эти 37,3 % лишь номинально можно считать рабочими (по социальному происхождению или по прежней работе), так как значительная часть их уже перешла

---

¹ Гимпельсон Е. Г. К вопросу о социальном облике рабочего класса в 1917-1920 гг. - В сб.: Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? - М.: Наука, 1992, с. 185.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 45, с. 20.

³ Струмилин С. Г. Состав Российской Коммунистической партии к 1922 г. - В кн.: Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. 1. Статистика и экономика. М., 1963, с. 240.

⁴ Там же, с. 279.

на работу в советские и партийные учреждения, в армию и другие государственные ведомства. Надо также иметь в виду широко распространенную в то время практику, когда многие выборные партийные руководители разного уровня состояли на партучете в заводских ячейках.

Таким образом, можно заключить, что в России к 1917 г. пролетариата было незначительное количество и в большинстве своем он был или вчерашним крестьянином или имел тесные связи с аграрным сектором экономики. Не мог пролетариат выступить в 1917 году "гегемоном" в "пролетарской революции", ибо ни того, ни другого не было. Все это выдумки Краткого курса "Истории ВКП(б)", которые до самого последнего времени крепко сидели во многих головах. Правда, в некоторых сидят и до сих пор. Современные историки нового поколения приходят к противоположным выводам. Так, Д. О. Чураков, исследуя деятельность фабрично-заводских комитетов как органов самоуправления рабочего класса и возможности превращения их в штабы вооруженного восстания, делает такое заключение: "Любой, самый тщательный и беспристрастный анализ фабричных и заводских рабочих комитетов октября 1917 г. показывает, что такими "штабами" они не были, и быть не могли." И дальше: "Рабочее движение, несмотря на относительную зрелость органов самоорганизации рабочих, всё еще находилось в процессе становления и во многих отношениях оставалось аморфным и хаотичным".¹ Поэтому слова "диктатура пролетариата" по отношению к Русской революции следует рассматривать как эвфемизм.

Даже среди членов коммунистической (пролетарской) партии в начале 20-х годов, собственно, рабочие составляли не больше 1/3 всей партии. Соответственно этому и степень наемного труда в отраслях, где преимущественно создавалась прибавочная стоимость, была незначительной. Незначительно было и развитие капиталистических отношений в стране. Поэтому разговоры о том, что революцию сделали большевики, поведя за собой рабочий класс страны, следует оставить за рамками серьезного анализа. Большевики возглавили революцию, но сделали ее крестьяне и солдаты (те же крестьяне), лидерами которых были социалисты-революционеры, а не большевики.

Заключение

Вместе с тем надо бы, наверное, ответить на вопрос, который сегодня много муссируется среди обывательщины: что было бы с Россией, если бы не произошла или не удалась Русская революция? Этот вопрос по существу своему бессмысленный, ибо история не знает сослагательного наклонения. Но и на этот пустой вопрос ответить можно.

---

¹ Чураков Д. О. Октябрьский переворот и фабзавкомы. - В кн.: 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 120, 127.

Так вот, я думаю, что если бы в России в 1917 г. не совершилась революция и особенно ее октябрьский этап, то страна сегодня была бы похожа на Индию. То есть Россия осталась бы слаборазвитой страной полукOLONиального типа с некоторым развитием крупной промышленности, с некоторыми элементами утонченной культуры узкого слоя населения, с глубокими корнями народной духовности, но и с малограмотной и нищей подавляющей массой населения. Так, известный английский историк И. Дойчер делает такой вывод: "В эпоху последних Романовых великая империя была наполовину колонией. В руках западных держателей акций находилось 90 % шахт России, 50 % предприятий химической промышленности, свыше 40 % металлургических и машиностроительных предприятий и 42 % банковского капитала".¹ Примерно эти же цифры приводит и известный советский историк народного хозяйства П. И. Лященко. Иностраный капитал, непосредственно вложенный в отдельные отрасли составлял к 1916-1917 гг.: горное дело - 91 %; металлообработка - 42 %; текстильная промышленность - 28 %; химическая - 50 %; деревообработка - 37 %.² Современный исследователь этих проблем называет долю иностранного капитала в основном капитале ведущих коммерческих банков России на 1 января 1917 г. в 47 %. К 1913 г. иностранцы контролировали 60-70 % капитала России, а к сентябрю 1917 г. - 90-95 %.³ Ясно, что Россия в таком раскладе не могла бы и мечтать о месте второй сверхдержавы в мире.

Россия, пытаясь стать равноправной европейской державой, нуждалась в серьезной и глубокой модернизации. Как было показано, после реформы 1861 года капитализм в стране не смог занять доминирующего места. Главная причина этого состояла в том, что правящий класс, в силу своей феодально-крепостнической природы, не смог своевременно провести индустриализацию.

В стране не было развитой промышленности, не было индустриальной инфраструктуры. Все это надо было создавать. А для этого необходимы огромные капитальные вложения, которых в стране не было. С.Ю. Витте и начал индустриализацию с развития железнодорожного строительства, которое стало бы импульсом для развития отраслей металлургии и в целом всей промышленности. Однако, железнодорожное строительство после 1900 г. захлебнулось из-за острой нехватки средств. Если в среднем за год строилось железных дорог в России в 1896 - 1900 гг. по 3100 верст, то в 1901 - 1903 гг. по 1902 версты, а в 1908 - 1913 гг. уже по 719 верст. И комментируя эти данные, историк И.Ф. Гиндин пишет: "Цикличность железнодорожного строительства в России объясняется прежде всего тем, что оно почти целиком зависело от привлечения капиталов извне, которое практически могло осуществляться лишь путем государственных и гарантированных правительством займов".⁴ Таким образом, русская революция не прервала индустриализацию,

---

¹ Хобсбаум Э. Эхо "Марсельезы". Дойчер И. Незавершенная революция. М., 1991, с. 170.

² Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 380.

³ Арин О. Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX - начало XX веков). М., 1999, с. 25.

⁴ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Пути сообщения и

начатую еще при Витте, а явилась объективно неизбежным моментом самой индустриализации, которая была закончена уже в 30-х годах XX века. Феодалные социально-экономические отношения не позволяли национальному капиталу создать необходимые накопления. Потому-то и был так силен иностранный капитал.

История перед страной ставила вопрос: или развиваться по пути европейской модернизации, т.е. проводить индустриализацию или скатываться на периферию мировой экономики. Царское правительство не смогло найти собственных накоплений для индустриализации. Весь талант С.Ю. Витте, прекрасно понимавшего историческую необходимость индустриального развития для страны, ничего не смог сделать в условиях по существу феодальных отношений. Поэтому и нужна была в России революция как единственно возможный путь ее модернизации.

1917 год: ПРОБЛЕМА ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Колганов А.И.,
д.э.н., МГУ*

Одна или две революции? Этот вопрос, применительно к Февралю и Октябрю 1917 года, давно уже является предметом дискуссии, и ответы на него давались различные. Представители советской исторической науки – а также и большинство эмигрантских политиков – жестко противопоставляли Октябрь Февралю. Первые возвеличивали Октябрь, как славную социалистическую революцию по отношению к презренному буржуазному Февралю. Вторые прославляли благодетельный демократический Февраль в противоположность разнузданному охлократическому Октябрю. Среди зарубежных историков, однако, широко была распространена позиция, согласно которой Февраль и Октябрь были лишь различными этапами единого революционного процесса, так что первый закономерно перетекал во второй.

экономическое развитие России. Кн. 2, ч. 2. - М.: Наука, 2006, с. 591, 592.